

Круглый Александр Осипович

М.Н. Загоскин

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Осипович К.**
М.Н. Загоскин / Круглый Александр Осипович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 114 с.

ISBN 978-5-519-91271-6

ISBN 978-5-519-91271-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Предки М. Н. Загоскина. — Отец и мать писателя. — Дѣтство и отрочество. — Любовь къ чтенію. — Первые литературные опыты. — Отѣздъ въ Петербургъ.

Родъ дворянъ Загоскиныхъ ведетъ свое начало отъ Шевкаль-Загора (во святомъ крещеніи Александръ Айбулатовичъ), по прозванью Загоска, который выѣхалъ въ 1472 году изъ Золотой орды на службу великому князю Іоанну III и получилъ отъ него помѣстья въ Новгородской землѣ, въ Обонежской пятинѣ. Изъ трехъ сыновей Загоски двое умерли бездѣтными, а отъ третьяго, Поликарпа Шапки, по прямой линіи происходилъ въ девятомъ колѣнѣ отецъ нашего писателя Николай Михайловичъ Загоскинъ, пензенскій помѣщикъ. Кромѣ Михаила Николаевича, у него было еще шесть сыновей: Маркелль ¹⁾, Василій ²⁾, Николай ³⁾, Алексѣй ⁴⁾, Иліодоръ ⁵⁾, Павелъ ⁶⁾, и двѣ дочери: Софья, вышедшая замужъ за пензенскаго помѣщика А. П. Ступишина, и Варвара, бывшая замужемъ за пензенскимъ губернаторомъ А. А. Панчулидзевымъ ⁷⁾.

Николай Михайловичъ Загоскинъ, если вѣрить преданію, былъ, человекъ не совсѣмъ обыкновенный: онъ отличался такими свойствами характера, которыя выдѣляли его изъ окру-

¹⁾ Служилъ въ Семеновскомъ полку; былъ пензенскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. ²⁾ Полковникъ л.-гв. Преображенскаго, потомъ командиръ Азовскаго пѣхотнаго полка. ³⁾ Полковникъ корпуса инженеровъ путей сообщенія. ⁴⁾ Инженеръ-генералъ-маіоръ. ⁵⁾ Полковникъ корпуса инженеровъ путей сообщенія. ⁶⁾ Офицеръ л.-гв. Павловскаго полка; умеръ юношей.

⁷⁾ Родословная книга, изд. Русской Старины, т. I стр. 159—161 и сообщенія С. М. Загоскина.

жающей среды и дѣлали его въ глазахъ сосѣдей-помѣщиковъ человѣкомъ страннымъ, чудакомъ. «Съ самыми кипящими страстями любилъ добродѣтель», говорить о немъ Вигель, «и исполненъ былъ религіозныхъ чувствъ; добросердечный, но имѣлъ много странностей, почтенный чудакъ. Безъ родителей, безъ совѣтовъ, совершенно свободный, онъ хотѣлъ оградиться отъ силы страстей неодолимымъ оплотомъ и затворился въ стѣнахъ монастыря ¹⁾. Тамъ болѣе года постился онъ, молился и готовъ былъ принять постриженіе, а плоть все одолѣвала духъ. Добросовѣстные монахи убѣдили его предпочесть супружество, какъ состояніе истинно христіанское, если не столь святое, какъ монашество» ²⁾. Николай Михайловичъ послѣдовалъ доброму совѣту, и женился на Натальѣ Михайловнѣ Мартыновой.

По дошедшимъ до насъ отзывамъ лицъ, близко знавшихъ ее, это была прекрасная женщина. «Была собой не красавица», говорить о ней князь И. М. Долгорукій, «но имѣла всѣ тѣ дары и свойства природы, которыми мужчины плѣняются преимущественно: пылкій характеръ, умъ здравый и образованный собственными навыками болѣе, нежели книгами, пріятное обращеніе, ловкая поступь и наружность заманчивая. Она строго чтала обязанности свои и сохраняла ихъ ненарушимо во всякое время». Наталья Михайловна умѣла внушать уваженіе къ себѣ прямою характеромъ и вѣрностью въ дружбѣ. ...Она часто бранивала меня», продолжаетъ И. М. Долгорукій, — «за мою вѣтренность и легкомысліе, но изъ любви къ женѣ моей никогда меня не отгоняла отъ себя. Я не смѣлъ ей сдѣлать никакой довѣренности, оскорбительной для ея самолюбія. Я столько почиталъ ее и боялся, что не смѣлъ въ нее влюбиться и пріучилъ себя быть ея другомъ и старался заслужить то-же названіе себѣ. Милая женщина! Я тебя никогда не забуду! Сколько случаевъ представляется мнѣ на мысль такихъ, кои заставляютъ меня быть ей преданнымъ, благодарнымъ, обязаннымъ».

Наталья Михайловна была пріятельница первой жены кн.

¹⁾ Въ Саровской пустынѣ.

²⁾ *Ф. Ф. Вигель. Воспоминанія. М. 1866, т. I, ч. 2, стр. 98.*

И. М. Долгоруковъ, Евгеніи Сергѣевны (ур. Смирновой), умершей въ 1804 году. Много лѣтъ спустя послѣ смерти княгини, мужъ ея нашелъ въ Рамзаѣ, имѣніи Загоскиныхъ, воспоминаніе о ней, хранимое дружественною рукой Натальи Михайловны: «Съ какимъ восхищеніемъ я нашелъ тамъ въ новомъ домѣ, прекрасномъ садѣ и между предметами, мнѣ вовсе незнакомыми, на каждомъ шагу, что-либо напоминающее мнѣ Евгенію! Тамъ ея портретъ, тутъ ея вензель. Наталья Михайловна сохранила многія ея письма къ ней... Съ какими умильными слезами я орошалъ каждодневно поутру темный сводъ акаціевъ въ сгущенномъ лабиринтѣ, подъ которымъ посвящена была Евгеніи печальная урна, окруженная ея любимыми полевыми цвѣтами. Долго хозяйка скрывала отъ глазъ моихъ тропу, ведущую къ сему пустынному памятнику: она не для хвастовства его соорудила, но желала удовлетворить своему сильному чувству любви къ безподобной ея подругѣ,—я напалъ на тайную стезю сію, сердце мое проводило меня къ урнѣ... Подобныя жертвы никогда не забываются!» Тамъ, во время вечернихъ прогулокъ по рощамъ и полямъ, кн. И. М. Долгорукій написалъ стихотвореніе, посвященное Натальѣ Михайловнѣ: «Воспоминанія въ Рамзаѣ» ¹⁾. Вообще князь Иванъ Михайловичъ выражался о Н. М. Загоскиной самымъ восторженнымъ образомъ: «Изъ всѣхъ отношеній случайныхъ почти нѣтъ ни одного, которое-бы я вспоминалъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ знакомство мое съ Натальей Михайловной. Такъ я никогда и нигдѣ ее не забуду, вездѣ и вездѣ мысль моя представить мнѣ съ восхищеніемъ Рамзай, мѣсто, наполненное для меня пріятнѣйшихъ событій и воспоминаній. Когда Павелъ I меня отставилъ, а жена поскакала въ Петербургъ, я съ сестрой своей долженъ былъ переѣзжать въ Москву, Наталья Михайловна, узнавши, что я пораженъ своими обстоятельствами и худо ихъ переношу, рѣшилась, не смотря на молву, которая преслѣдовала ее, желая очертить самую цѣну подвига, проводить насъ до Москвы и къ

¹⁾ Сочиненія Кн. И. М. Долгорукаго. Изд. Смирдина. С.-Пб. 1849, ч. I, стр. 263—265.

облегченію тоски моеї, выдержала зимою самое непріятное и дальнее путешествіе» ¹⁾).

Вигель, отзываясь о Натальѣ Михайловнѣ съ такими-же похвалами, прибавляетъ нѣсколько словъ, изъ которыхъ можно заключить, что судьба этой женщины была не особенно къ ней благосклонна. «Замѣчено», говорить Вигель, «что тяжкія испытанія разнымъ образомъ дѣйствуютъ на людей: они болѣе раздражаютъ злыхъ, а добрыхъ научаютъ терпѣнію и снисходительности. Такъ было съ Натальей Михайловной. Почти въ ребячествѣ выдали ее за человѣка, хотя молодаго, недурнаго собой и добраго, но весьма страннаго... Въ награду за его добродушіе, небо послало ему дѣвочку кроткую, умную и веселую». Наталья Михайловна имѣла самое благотворное вліяніе на мужа. «Съ нею обрѣлъ онъ счастье, а она только благоразуміемъ, долготерпѣніемъ и осторожностью могла наконецъ до него достигнуть; непримѣтно исправляя ихъ, должна была она переносить кучу странностей, которыя были слѣдствіемъ борьбы человѣческихъ слабостей съ упорною волей побѣдить ихъ. Проведя нѣсколько лѣтъ съ мужемъ въ добровольномъ заключеніи, она умѣла извлечь его изъ него вмѣстѣ съ народившимся-семействомъ» ²⁾).

Загоскины постоянно жили въ своемъ Рамзѣ, въ 25 верстахъ отъ Пензы. Въ этомъ-то богатомъ и благоустроенномъ селѣ, расположенномъ въ красивой мѣстности (оно описано въ романѣ «Искуситель» подъ названіемъ Тужиловки), родился 14-го іюля 1789 года Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ. Здѣсь же прошло и его дѣтство и отрочество. Въ старое время цѣлыя поколѣнія дворянскихъ родовъ воспитывались въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ; поэтому, хотя и не сохранилось свѣдѣній о дѣтствѣ Михаила Николаевича, мы можемъ съ вѣроятностью предполагать, что онъ провелъ эти годы своей жизни совершенно такъ, какъ изображаетъ дѣтство и отрочество героев своихъ романовъ. Кстати замѣтимъ, что вообще произведенія

¹⁾ Капище моего сердца, стр. 143—144.

²⁾ Воспоминанія, II, 98.

Загоскина заключаютъ въ себѣ много автобіографическихъ подробностей.

Живой, одаренный прекрасными способностями, ребенокъ росъ въ деревенскомъ привольѣ зажиточнаго помѣщичьяго быта, нестѣсняемый ученѣмъ, предоставленный самому себѣ. Рано пробудилась въ немъ любовь къ природѣ. «Очень странно», читаемъ мы въ «Искусителѣ», «что въ тѣ года, когда мы еще не имѣемъ никакого понятія объ изящномъ, прекрасный видъ возбуждалъ во мнѣ всегда неизмѣнное чувство удовольствія. Бывало, я по цѣлымъ часамъ не отходилъ отъ окна и не могъ налюбоваться обширными полями, которыя то разстилались гладкими зелеными коврами, то холмились и пестрѣли въ причудливомъ разливѣ свѣта и тѣней». Явленія природы производили сильное впечатлѣніе на ребенка и пробуждали въ немъ любознательность. Ему хотѣлось уйти потихоньку изъ дому и во что-бы то ни стало добраться до того мѣста, гдѣ небеса сходятся съ землею, что-бы взглянуть поближе на красное солнышко, когда оно прячется за темнымъ лѣсомъ. «Болѣе всего, возбуждалъ мое любопытство и тревожилъ меня этотъ безконечный, темный лѣсъ. Онъ видѣнъ былъ изъ моей комнаты, вдали за дубравою, которая росла по ту сторону пруда». Ребенокъ обращался съ вопросами къ своему дядѣ и узнавалъ, что лѣсъ кончается верстъ за пять или за шесть, что за нимъ такая-же деревня, и люди тамъ такіе-же...

И Загоскинъ, конечно, подобно Гончаровскому Обломову, слушалъ народныя сказки, «которыя въ стереотипномъ изданіи старины въ устахъ нянекъ и дядекъ прошли сквозь вѣка и поколѣнія». «Я всегда былъ», читаемъ мы въ предисловіи къ Повѣстямъ Загоскина, «смертный охотникъ до страшныхъ исторій. Не могу сказать, какое наслажденіе чувствую я всякій разъ, когда слушаю повѣсть, отъ которой волосы на головѣ моей становятся дыбомъ, сердце замираетъ, и морозъ подираетъ по кожѣ. Пусть себѣ господа ученые, эти холодные розыскатели истины, эти Ёомы невѣрные, которые сомнѣваются даже въ томъ, что лѣшіе обходятъ прохожихъ и что можно однимъ словомъ изурочить человѣка, смѣются надъ моимъ легковѣріемъ: я не

промѣняю на ихъ сухіе математическіе выводы, на ихъ замороженный здравый смыслъ мои дѣтскія, но живыя и теплыя мечты». Отъ сказокъ ребенокъ перешелъ къ книгамъ и въ самые ранніе годы обнаружилъ необыкновенную охоту къ чтенію. У отца была обширная библіотека русскихъ книгъ. Николай Михайловичъ ѣздилъ въ Пензу на ярмарку и тамъ запасался книгами ¹⁾. Выборъ ихъ опредѣлялся его религіозностью и любознательностью. По всей вѣроятности, это были книги духовнаго и историческаго содержанія; могли быть романы и драматическія произведенія. По крайней мѣрѣ, именно такія книги, по свидѣтельству Михаила Николаевича, появлялись на пензенской ярмаркѣ: здѣсь можно было найти романы Дюкре-Дюмениля, г-жи Радклифъ и Мейснера, драмы Коцебу, «Житіе Клевеланда», «Странныя приключенія русскаго дворянина Д. Могушкина», «Мои Бездѣлки» Карамзина и т. п. Изъ сочиненій историческихъ любознательные провинціалы читали Роллена, Иосифа Флавія, Квинта Курція.

По словамъ С. Т. Аксакова, охота къ чтенію и занятіямъ были такъ сильны въ ребенкѣ, что онъ, живя въ деревнѣ, мало раздѣлялъ обыкновенныя дѣтскія забавы своихъ сверстниковъ, хотя отъ природы былъ рѣзвъ и веселъ; ребяческой проказливости онъ не имѣлъ никогда, всегда былъ богомоденъ и любилъ ходить въ церковь. Почти все свое время посвящалъ онъ книгамъ, такъ что окружавшіе боялись, что-бы отъ безпрестаннаго чтенія онъ не потерялъ совсѣмъ зрѣнія, которое и тогда было слабо, почему и были вынуждены отнимать у него книги; но любознательный мальчикъ находилъ разныя средства къ удовлетворенію своей склонности. Между прочимъ онъ употреблялъ слѣдующую хитрость: когда отецъ его входилъ въ свой, постоянно запертый кабинетъ, въ которомъ помѣщалась библіотека, и оставлялъ за собою дверь незапертою, что случалось довольно часто, то Миша пользовался такими благопріятными случаями, прокрадывался потихоньку въ кабинетъ и прятался за ширмы, стоявшія подлѣ дверей; когда-же

¹⁾ *Внѣль*. Воспоминанія, IV, стр. 162.

отецъ, не замѣтивши его, уходилъ изъ кабинета и запиралъ за собою дверь—Миша оставался полнымъ хозяиномъ библіотеки, и вполне удовлетворялъ своей страсти; онъ съ жадностью читалъ все, что ни попадалось ему въ руки и не помнилъ себя отъ радости. Онъ оставался въ кабинетѣ иногда по нѣскольку часовъ, то-есть до прихода отца; при первомъ звукѣ ключа, онъ прятался опять за ширмы, и когда отецъ принимался самъ за чтеніе или за письменныя дѣла, Миша уходилъ потихоньку и нерѣдко уносилъ недочитанную книгу. Наконецъ хитрость эта была открыта: предаваясь чтенію съ самозабвеніемъ, онъ не разслышалъ отворяющейся двери и былъ пойманъ отцомъ на мѣстѣ преступленія, съ книгою въ рукахъ. Отецъ, видя въ сынѣ такое необыкновенное стремленіе къ чтенію и образованію, чего, конечно, не могъ не одобрить, разрѣшилъ ему брать книги изъ библіотеки съ его позволенія; книги выбирались преимущественно историческія, и молодой Загоскинъ могъ удовлетворить свободно своей склонности, не предаваясь однако ей съ излишествомъ, за чѣмъ наблюдали уже постоянно ¹⁾).

Мальчикъ отъ природы былъ пылкаго темперамента. Аксаковъ передаетъ такое семейное преданіе: «Маленькій Миша любилъ читать, лежа на диванѣ и лакомясь изюмомъ и коринкой; одинъ изъ братьевъ часто взлѣзалъ къ нему на диванъ, начиналъ его трогать, щипать и просить ягодъ; Загоскинъ отдавалъ часть лакомства съ просьбою не мѣшать ему; черезъ нѣсколько минутъ маленький шалунъ опять являлся съ прежними доуками; Загоскинъ отдавалъ весь изюмъ и коринку съ условіемъ не входить къ нему въ комнату и не мѣшать его чтенію; но черезъ нѣсколько времени, истребивъ весь запасъ лакомства, братъ снова отворялъ дверь, и тогда Загоскинъ, всплывъ, вскакивалъ съ дивана, бросалъ книгу и принимался таскать за волосы неотвязчиваго ребенка» ²⁾).

Вліяніе чтенія сказалось на впечатлительномъ, увлекающемся мальчикѣ раннимъ развитіемъ мысли и чувства и жела-

¹⁾ С. Т. Аксаковъ. Полное собр. соч., т. III, стр. 253 и 254.

²⁾ Тамъ-же, стр. 254.

ніемъ самому сочинять. Одиннадцати лѣтъ онъ сочинилъ повѣсть «Пустынникъ», а еще раньше того написалъ драму въ стихахъ «Леонъ и Зыдея» ¹⁾).

Чтеніемъ безъ разбора и попытками сочинять ограничилось все домашнее образованіе мальчика. О правильномъ обученіи не было и рѣчи. По словамъ Вигеля, когда Загоскину было четырнадцать лѣтъ, и его уже готовили на службу, то ученіе его не только не было кончено, а какъ кажется, даже не было начато ²⁾. Родители торопились опредѣлить сына на службу. «Тогда былъ такой обычай», говоритъ Вигель: «въ пятнадцать лѣтъ обыкновенно уже оканчивалось воспитаніе мальчиковъ; полагали, что они уже всему выучены, и спѣшили ихъ отдавать на службу, что-бы они ранѣе могли выйти въ чины. Многіе изъ родителей съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрѣли на пагубу, которая угрожала нѣжному возрасту и неопытности сыновей ихъ, но не властны были не слѣдовать общему примѣру, опасаясь обвиненія, что они препятствуютъ счастью и возвышенію своихъ дѣтей» ³⁾. Николай Михайловичъ Загоскинъ, по своей прихоти, не хотѣлъ отдать сына въ военную службу, къ которой юноша стремился, и опредѣлилъ его въ гражданскую. Съ этою цѣлію Михаила Николаевича отправили въ Петербургъ, поручивъ его заботамъ родственника своего Ф. Ф. Вигеля, который ѣхалъ туда-же ⁴⁾. «Ну, умѣли-же найти ему наставника!» замѣчаетъ по этому поводу самъ Вигель. Во время сборовъ къ отъѣзду въ Пензѣ явился проѣздомъ изъ Волжска въ Петербургъ богатый и извѣстный откупщикъ Василій Алексѣевичъ Злобинъ. Кибитки Вигеля и Загоскина прикнули къ поѣзду Злобина, и 4-го ноября 1802 г. наши путешественники оставили Пензу. Злобинъ разстался съ молодыми людьми въ Москвѣ. Путь отсюда до Петербурга они совершали

¹⁾ Аксаковъ, III, стр. 252—253.

²⁾ Воспоминанія, II, стр. 98.

³⁾ Тамъ-ж, I, стр. 73.

⁴⁾ Двоюродная сестра матери Вигеля, Дарья Михайловна Новикова была рожденная Мартынова и приходилась сестрою Натальѣ Михайловнѣ Загоскиной.

одни, въ сопровожденіи лишь дядьки Михаила Николаевича, по имени Прохора Кондратьевича (онъ изображенъ въ романѣ «Мирошевъ»). Вигель, встрѣтясь въ Твери съ какими-то офицерами, кутившими въ трактирѣ, напился пьянъ и проснулся только тогда, когда проѣхали Валдай. Чѣмъ свѣтъ, 1-го декабря молодые люди пріѣхали въ Петербургъ ¹⁾).

II.

Пріѣздъ въ Петербургъ.—Служба.—1812 годъ.—Общественное настроеніе въ Петербургѣ.—Петербургское ополченіе. — Отставка. — Поѣздка въ Рамзай.— Знакомство съ кн. Шаховскимъ. — «Комедія противъ комедіи». — Друзья и враги Загоскина.—Знакомство съ С. Т. Аксаковымъ. — Женитьба.— «Богатень въ провинціалъ въ столицѣ». — Полемика съ Сыномъ Отечества.

Вигель, въ своихъ «Воспоминаніяхъ», сохранилъ изображеніе юноши Загоскина, присланнаго изъ деревни въ Петербургъ для поступленія на службу. «Ему было тогда лѣтъ четырнадцать... Странности, которыя первые примѣры и первое воспитаніе въ немъ оставили, ни временемъ, ни треніемъ объ людей высшихъ сословій не могли быть изглажены... Ученіе не только не было окончено, мнѣ кажется, даже не было и начато. Имя Миши, коимъ звали его, было ему весьма прилично: дюжій и неуклюжій, какъ медвѣженокъ, имѣлъ онъ довольно суровое, но свѣжее и красивое личико. Мнѣ онъ не нравился по тѣмъ-же самымъ причинамъ, по коимъ многіе и теперь имѣютъ несправедливость не любить его: прежде не зналъ онъ существованія приличій свѣта, а послѣ мало о нихъ заботился. Многіе и тогда обижались слишкомъ фамиллярнымъ его обхожденіемъ; какъ истинно русскій весельчакъ, любилъ онъ всегда безъ желчи, безъ злости, безъ малѣйшаго дурнаго умысла, подшучивать въ глаза надъ слабостями людей и такимъ образомъ, задѣвая самыя чувствительныя струны ихъ са-

¹⁾ Воспомнанія, II, стр. 99, 100—101.

моллюбія, часто творилъ изъ нихъ самыхъ непримиримыхъ себѣ враговъ; потомъ онъ-же удивлялся и готовъ былъ сказать: да, кажется, за что-бы? Не только тогда, но и гораздо послѣ не могъ я подозрѣвать удивительнаго, оригинальнаго таланта, который такъ внезапно и ярко въ немъ развился; при всегдашней его разсѣянности, которая давала ему видъ легкомыслія, могъ-ли я предполагать въ немъ тѣ постоянныя, глубокія наблюденія, кои снабдили сочиненія его столь живыми, вѣрно изображенными картинами?» ¹⁾).

Михаилъ Николаевичъ и поселиться въ столицѣ долженъ былъ вмѣстѣ съ Вигелемъ. Первымъ дѣломъ по приѣздѣ принялись они искать себѣ квартиру. «Какъ неимущіе провинціалы», вспоминаетъ Вигель, «начали мы съ Ямской и оттуда, сдѣлавъ нѣсколько поисковъ во внутренность города и открывъ довольно удобную квартиру не подалеку отъ Невского проспекта, черезъ три дня съ Загоскинымъ туда переѣхали» ²⁾). Жили они, конечно, бѣдно и тѣсно. Когда къ Вигелю приѣхалъ братъ его Павелъ, Загоскину пришлось отдѣлиться, и онъ перебрался на особую квартиру.

По протекціи Злобина, Загоскинъ опредѣлился въ канцелярію государственнаго казначея Голубцова; нѣсколько времени спустя нерешель онъ на службу въ горный департаментъ, а затѣмъ въ государственный заемный банкъ. Но, кажется, что канцелярскія занятія вообще были ему не по сердцу ³⁾: онъ служилъ по необходимости и принужденъ былъ существовать на жалованье въ 100 р. въ годъ, такъ какъ отецъ не высылалъ ему пособій. Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ пробылъ онъ около десяти лѣтъ—съ 1802 по 1811 годъ.

«Нельзя предположить», говоритъ Аксаковъ, «что-бы въ это десятилѣтнее пребываніе и служеніе въ Петербургѣ Загоскинъ не занимался литературою. Къ сожалѣнію, никакихъ точныхъ свѣдѣній я объ этомъ сообщить не могу. Знаю только положительно, что именно въ это время Загоскинъ старался возна-

¹⁾ Воспоминанія, II, стр. 98—99.

²⁾ Тамъ-же, II, стр. 101.

³⁾ Тамъ-же, II, стр. 102.